

А. Б. Курлов

**БАЗОВЫЕ СТРАТАГЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯМИ
В ПРОЦЕССЕ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Актуализируются проблемы управления знаниями в процессе научного поиска. Обосновывается логика формирования базовых установок теоретического исследования как одной из форм инновационной деятельности. Определяются основные элементы стратегии научного изыскания и целевые установки управления этим процессом. Представляется алгоритм научного исследования и структура эпистемологической системы анализа избранной проблемной сферы. *Менеджмент знаний; научное исследование; стратегема; подходы и методы познания; эпистема; инновационные знания*

Термин «менеджмент знаний» (knowledge management) в последнее время стал довольно широко использоваться в научной литературе. Это понятие чаще всего фиксирует особенности процесса идентификации, использования и передачи новой информации и знаний, которые люди могут создавать, совершенствовать и применять. При этом акцентируется внимание на некоей стратегии управления, которая якобы трансформирует все виды интеллектуальных активов в высокую производительность и эффективность, в новую стоимость, повышенную конкурентоспособность и т. д. Если отвлечься от банальностей, укоренившихся в структуре современного менеджмента под названиями «научающая» и «научающаяся» организация, то становится очевидным, что концептуальные основания, необходимые для разработки указанных стратегий, просто отсутствуют.

Более того, известно, что отечественный академический менеджмент, породивший имитации (симулякры) некоторых техник управления процессом познания (исследования), до сих пор функционирует в рамках следующего идеологического посыла: *«знание возникает как надстройка над системой деятельности»*. Между тем, очевидна ущербность этого идеологизма, ибо, во-первых, он превращает менеджмент в одну из самых интеллектуально разгруженных сфер деятельности. Во-вторых, ограничивает его сферу лишь, порой, только ситуационным реагированием, практически нивелируя его главную функцию – *упреждающее управление проблемами*.

Очевидно и то, что знания должны предшествовать деятельности и объективироваться в ее рамках. В этом и заключается смысл не

только *инструментального знания* и его динамики, но и *предметно-деятельностного бытия любого специалиста*.

В связи с этим, вопреки устоявшимся понятийным штампам, следует подчеркнуть, что основная проблема управления знаниями состоит в *формировании навыков стратегического мышления и алгоритмизации процесса познания, необходимых для продуктивного «вычерпывания» информации из объекта, ее удостоверения с последующей концептуализацией с использованием определенного арсенала методов научного познания*.

Последнее предполагает, как минимум, наличие следующих навыков и потенций субъекта познания:

- владение инструментарием методологии познания в сфере своей специализации;
- включение основных топосов теории информационной аналитики в арсенал средств познавательной деятельности;
- владение основными принципами удостоверения (валидации, репрезентации) и аргументации получаемых знаний.

Теперь попытаюсь обозначить положения, являющиеся основаниями методологии научного познания, которые выступают в качестве инструмента не только получения и удостоверения новых знаний, но и управления этим процессом. При этом очевидно, что необходимо стратегическое (стратегемное) видение логики процесса познания, которая предопределяет некую последовательность шагов, обеспечивающих формирование комплекса объективной информации и системно оформленного нового знания.

Само понятие «стратегема» означает наличие определенного плана решения какой-либо проблемы, в котором присутствует инновация

как главное средство борьбы с противником [1, С. 8]. В качестве последнего в контексте наших рассуждений выступает объект, предстоящий и противостоящий познанию, а сама способность человека вырабатывать стратегии получения объективных сведений вселяет надежду на проявление рельефного результата этого процесса – *достоверных инструментальных знаний*.

Но, каждый человек, создавший такой сценарий действий, должен понимать, что это всего лишь алгоритм, организующий определенную последовательность шагов на пути движения к цели, повышая вероятность получения желаемого результата – переводя *возможность* его достижения в разряд *реальных*.

Поэтому алгоритм, заложенный в стратагеме, не только предполагает некую взаимообусловленность и идеологию направленных действий, он (алгоритм) программирует этот процесс, а при необходимости модифицирует его, исходя из реальных обстоятельств. Значит, «...стратагемы подобны невидимым ножам, которые спрятаны в человеческом мозгу и сверкают, только когда их вздумаешь применить» [1, С. 46].

Посредством этой стратегии оформляется *новое знание*, благодаря которому происходит *переход от преобразований наличного к снятию неопределенности в преобразовании будущего*. Так формируется потенция субъекта познания к *упреждающему управлению проблемами*.

Итак, известно, что любой познавательный процесс должен иметь собственные базовые установки – определенные основания, благодаря которым и появляется возможность осуществления указанного выше перехода. В качестве таковых рассматриваются: *объект; проблема*, тесно связанная с *предметом* исследования; *цель, задачи; подходы и методы* познания.

Объект, как правило, всегда представляется в виде некоей среды, в рамках которой позиционирует себя предмет исследования – носитель каких-либо проблем и противоречий, подлежащих разрешению. Выделение и обоснование объекта является крайне важным для определения диспозиций предмета, ибо именно внешняя среда во многом предопределяет характер и тенденции проявления ее компонентов в силу известного системного эффекта. Поэтому результаты анализа объекта и обуславливают различные порядки объективных представлений о динамике избранной предметной сферы исследования.

Исходя из этого, можно сформулировать **первую стратагему** исследования: *объект и предмет различаются не только масштаб-*

ными характеристиками, но и порядками сложности своих структур, что свидетельствует о выраженной нетождественности потенциалов их саморазвития и, соответственно, о различии форм и порядков их взаимной фундаментации.

Что касается *проблемы* любого исследования, то она должна быть не только *отрефлексирована субъектом, но и объективно актуализирована*. В противном случае теряется всякий смысл ее разработки, ибо сведения, полученные в этом процессе, не будут иметь статус социальной и, тем более, инструментальной информации. Кроме того, исследователь, со всей ответственностью должен ответить на вопрос: *способен ли он*, используя доступные теоретические и эмпирические средства, *решить данную проблему*.

Эти позиции кульминируются во **второй стратагеме** – *актуализация проблемы осуществляется не на основе личных предпочтений, а с учетом ее социальной значимости; возможности же ее решения определяются социокультурным и интеллектуальным потенциалом самого субъекта*.

Если же исследователь сочтет возможным проигнорировать этот постулат, то он с неизбежностью будет идентифицировать себя с говорливой околонучной общественностью, заполняющей беспринципной эклектикой сферу научного логоса. В этих условиях теряется великий пафос посылки Ф. Бекона, и *знание не становится силой*, равно как и сократовского «*scio me nescire*», ибо эти люди считают себя носителями «особого» знания, не подверженного какой-либо коррекции. Здесь гибнет и декартовское «*cogito*», похороненное эгоизмом субъектов, выбравших в качестве цели своего позиционирования *процесс, а не результат*.

Думается, что именно для таких людей, симулирующих различные формы дискурса, Козьма Прутков и предложил свою «стратагему»: «...заткни свой фонтан» и попробуй «...зреть в корень».

Теперь *о цели и задачах* научного исследования. Цель, как правило, всегда связана с решением некоторой актуальной проблемы. Сам процесс целедостижения имеет определенную структуру в виде этапов, каждый из которых предполагает решение определенных задач. Очевидно, что этот процесс должен обладать выраженными системными признаками, в котором (процессе) взаимное позиционирование задач определяет *технологию целедостижения*. Так формируется *целевая функция или идеоло-*

гия любой исследовательской программы, в которой воплощено не только комплексное видение желаемого состояния предмета, но и технология его (состояния) достижения.

В качестве цели в большинстве случаев исследовательской практики рассматривается презумпция получения инструментальных знаний о возможностях гармонизации структуры предмета и оптимизации его связей с внешней средой – объектом. Последствия движения в указанном направлении будут связаны также с гармонизацией сознания субъекта, с оптимизацией его миропредставлений, с развитием порядков его «*cogito*».

Приведенные выше положения позволяют сформулировать **третью стратегию**: *цель исследования представляется в форме системной диспозиции задач, каждая из которых имплицитно включает возможность получения нового знания о новых состояниях предмета и его новых связях в структуре объекта.*

В качестве одного из примеров импликации цели исследования в форме процесса последовательного решения ряда задач можно представить следующий цикл (см. рис. 1).

Как видно, здесь процесс целедостижения состоит из трех фаз, для каждой из которых характерен определенный спектр задач. Завершение каждого цикла знаменует не только достижение желаемого результата, но и начало следующего цикла с новыми импликациями проблемы, а следовательно, и цели.

Продолжая рассмотрение оснований, регламентирующих и системно организующих процесс получения инновационных знаний, отметим еще раз то обстоятельство, что предмет исследования – это какое-либо явление или процесс в структуре объекта. Познать его, не обращаясь к этой структуре, невозможно. Поэтому, исследуя данное явление, мы обращаемся

к компонентам объекта, рассматривая их в качестве фундамирующих факторов. Но последних очень много, ибо объект неисчерпаем в своей сложности. С этим и связана процедура наложения ограничений на процесс познания, необходимая для выбора адекватных поставленной цели методов исследования предмета. Так формируются границы меры любого научного изыскания.

Различные подходы и методы теоретического исследования автор не намерен рассматривать в рамках этой короткой статьи. Ограничимся лишь декларацией положений, раскрывающих главные функции теоретического арсенала того или иного исследовательского проекта.

Итак, избранный методологический инструментарий научного исследования должен, во-первых, быть адекватен природе объекта познания и избранной цели; во-вторых, корректно представлять динамику структуры (элементной, параметрической, функциональной) предмета на различных уровнях ее абстрагирования; в-третьих, давать возможность разработки прогнозных импликаций предмета в структуре объекта. Думается, что это положение вполне можно рассматривать в статусе **четвертой стратегии**.

Таким образом, мы рассмотрели базовые установки теоретического исследования, которые в комплексе можно представить в виде простой схемы (см. рис. 2). Но очевидно и то, что эта простота лишь кажущаяся, ибо на рисунке невозможно показать всю вариативность связей между выделенными компонентами. Тем не менее, на наш взгляд, эта схема выполняет свою главную функцию – показывает направление процесса познания и дает представления о его специфике.

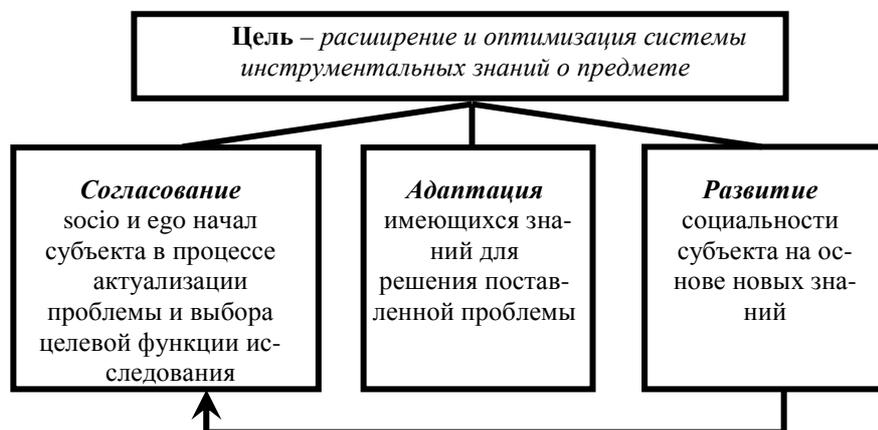

Рис. 1. Импликации цели исследования

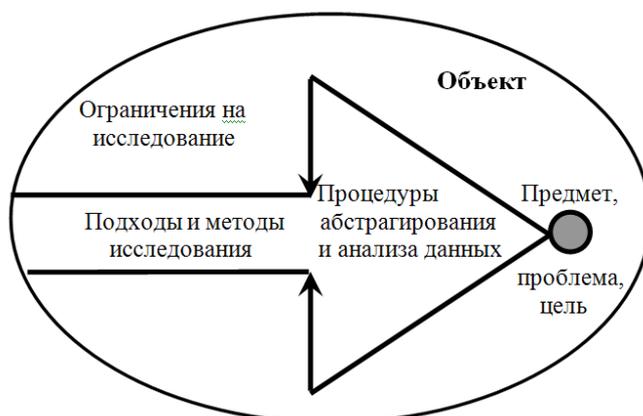

Рис. 2. Композиция оснований научного исследования

Далеко не случайно процесс, построенный на основе рассмотренных выше стратегем, мы представляем в виде направленного потока – условной стрелы. В таком *движении* от неполных и несовершенных знаний к более полным и совершенным отчетливо усматривается аналогия с одной из известных апорий Зенона – о стреле, которая «покоится» на протяжении всего полета. Дело в том, что представленные *установки теоретического анализа должны быть неизменными в течение всего процесса познания*. Они могут быть несколько конкретизированы на том или ином этапе, но не более того. В этом и состоит существо **пятой стратегемы**, которая постулирует *инвариантность оснований исследования в течение всего этого процесса*.

Но если эти позиции на каком-то этапе вдруг начинают существенно изменяться, то наша «стрела познания» неминуемо упадет в болото, где Царевны-лягушки нет. В этом случае нам придется вернуться к началу пути и вновь выстраивать композицию указанных оснований, что чревато потерей темпа и риском дезактуализации проблемы, ибо объект развивается, «убегая» от нас.

Только теперь, на основе вышеизложенного, появляется возможность представления укрупненного алгоритма самого процесса теоретического исследования:

- актуализация предметной сферы, постановка проблемы и определение целевой функции исследования;
- определение способов абстрагирования предмета (выбор и обоснование методологии);
- формирование эпистемологической системы исследования;

- выработка гипотез;
- создание поисковой модели предмета исследования;
- разработка совокупности информационных моделей;
- получение инструментальных знаний и их научная аргументация;
- валидация¹ знания в виде концепции или теории.

Как видно, на первых двух уровнях предполагается определение и обоснование базовых установок – оснований процесса познания, о чем уже шла речь выше.

Следующий шаг предполагает формирование адекватного решаемой проблеме понятийного аппарата исследования. Здесь происходит переход от использования терминологии, описывающей содержание отраженных исследователем (на уровне «живой» рефлексии) факторов состояния объекта (предмета), на язык определенной теоретической системы. Посредством этого перехода происходит абстрагирование показателей данных факторов и представление их в соответствующем категориальном формате. Речь идет о формировании *эпистемологической системы*, дающей ключ к адекватной трактовке смыслов, составляющих существо понимания субъектом закономерностей и тенденций развития избранной предметной (проблемной) сферы.

Основные подходы и принципы создания этой системы подробно представлены в последней монографии автора этой статьи [2]. Здесь же

¹ В данном контексте валидация – это процедура обоснования взаимосвязи и взаимной выводимости полученных знаний, что является главным условием их системного представления.

еще раз обозначим только основные элементы данной целостности и актуализируем их инструментальные функции.

Итак, *эпистемологическая система* – это совокупность смысловых модусов – эпистем, каждая из которых в концентрированном виде несет в себе содержание представлений о предмете познания и его связях с объектом. Другими словами, *эпистемы* – это *комплексные представления, входящие в состав теоретико-методологических систем, которые составляют инструментальную базу исследования избранного проблемного поля*. Это ранее сформированные и аргументированные суждения, которые фиксируют устойчивые связи во внутренней структуре изучаемого предмета и характерные формы его взаимодействий с элементами внешней среды.

Именно благодаря эпистемам и происходит упомянутый выше переход к таким транскрипциям смыслов, которые наиболее полно и точно описывают тот или иной предмет познания как явление. Значит, взятые на вооружение эпистемы, оказываются «ответственными» и за формирование четкой *интенции* всего исследовательского цикла, благодаря которой «стрела познания» и попадает в цель.

Интенция в данном контексте – это *направленность сознания на какой-либо предмет*, это характеристика процесса идеализации предмета на основе определенной методологической системы его смысловых представлений, необходимых для его (предмета) объективного постижения. Таким образом, актуализированные исследователем *эпистемы, формируя интенцию, задают логический* (последовательная совокупность актов сознания) *и методологический* (основания абстрагирования предмета) *формат всего исследования, последовательно организуя сознание субъекта и способствуя конструированию нового знания*.

Вышеизложенное позволяет сформулировать **шестую стратегию** научного исследования: *поиск и уточнение смыслов не только оберегает субъекта от ошибок и заблуждений, но и организует его сознание, создавая предметный ориентир, корректируя цель познания и формируя технологию целедостижения*.

Напомню также, что эпистема имеет триединую структуру, которая представлена категориями, вопросами и инвариантами, которые строятся и представляются в соответствии с из-

бранной предметной (проблемной) сферой исследования.

Категории представляют собой аргументированные способы утверждений о существовании предмета, которые определяют структуры его места в общем универсуме представлений. Думается, что здесь необходимы следующие пояснения. Очевидно, что те или иные наши знания фиксируются в виде некоего текста, который на уровне самых общих структурных представлений является совокупностью «вхождений знаков». Последние есть символы, образы, понятия. Эти знаки приобретают конкретный смысл только тогда, когда определено их место в структуре текста. Таким образом, текст – это некая организация знаков, система их позиционирования. Его можно представить в виде следующей логической формулы:

$$\text{текст} = \{(\text{знак}) \in (\text{место знака})\}.$$

Теперь становится ясным, почему категории, определяющие позиции *места знака*, являются системообразующим элементом всего текста.

Вопросы всегда имеют *категориально-предметную направленность, ибо несут предзнание*. Нельзя построить вопрос на пустом месте, так как отсутствует предмет интереса. Невозможно так же сформулировать вопрос при отсутствии каких-либо представлений о предмете. Значит, *посредством вопросов не только уточняется знание, оно обретает интенциональное оформление, ибо субъект познания и объект получают общую точку соприкосновения – предмет*.

По этим причинам любой вопрос заслуживает не только внимания, но и уважения, так как свидетельствует об устремленности человека к некой цели познания. С другой стороны, отсутствие вопросов одновременно означает и отсутствие субъектной цели, связанной со стремлением человека познать, что-либо. В этой ситуации бессмысленны попытки оценить его интеллектуально-знаниевый потенциал, здесь нужно уже ставить диагноз, тяжесть которого будет определять место данного субъекта на перифериях социальной жизни.

Эти положения и оформляют **седьмую стратегию**. *В процессе познания должно возникнуть множество предметных вопросов. Их диспозиция должна отражать логику этого процесса. Поэтому составление вопросов столь же ответственная задача, как и получение ответов на них, ибо в предметном вопросе, как*

правило, всегда пролонгирован вариант ответа на него в виде гипотезы.

Последний элемент рассматриваемой структуры эпистемы – *инварианты* – представляют собой закономерности связей в структуре познаваемого объекта, а также познанные тенденции его функционирования. Эти инварианты фиксируются, как минимум, относительно следующих вариаций:

- *становление* (в качестве субстрата для этого процесса выступает место данного становления);

- *движение* (здесь в качестве неизменного основания рассматривается система: {становление + отождествление}). Благодаря последнему компоненту этой целостности движение объекта получает определенное качество (вид) и форму;

- *рост* (инвариантом такого процесса является движение с сохранением качества). По сути, речь идет о системе, динамика которой представлена направленным изменением связей, формирующим каждый раз некое целое из обновленных отношений;

- *развитие* (здесь в качестве неизменной базы выступает биологический или социальный организм, обладающий достаточной сложностью своей структуры);

- *история* (в этом случае инвариантом является ретроспективная и насущная фиксация свойств и признаков объекта, или объективное удостоверение характера изменений его структуры) [подробнее см.: 2, С. 75–94].

Необходимо подчеркнуть, что использование указанных выше средств построения эпистемологических моделей будет продуктивным, если выполнены условия и адекватно реализованы гносеологические предпосылки как минимум двух видов: *предпосылки субъекта и уровня его интеллектуальных и эвристических потенциалов* и *предпосылки познаваемости самого объекта (предмета)* – возможность удостоверения основных его признаков на уровне исследования средствами теоретического анализа и аргументированной верификации его результатов.

Следующим шагом в осуществлении рассматриваемого процесса является «потокное представление» предмета в виде поисковой модели. На этом уровне определяется характер связи предмета с внешней по отношению к нему средой (объектом) и фиксируются основные закономерности его позиционирования во внешнем пространстве с учетом ряда фундирующих

факторов. Содержание этого этапа подробно изложено в других работах автора [см.: 3, 4].

Резюмируя теоретические положения, содержащиеся в указанных источниках, появляется возможность представления **восьмой стратегемы**. *Предмет исследования концептуализируется в статусе саморазвивающейся системы, находящейся в состоянии постоянной реконструкции своей структуры. Вектор этих изменений ориентирован в направлении оптимизации внутренних связей этой структуры и гармонизации отношений всей системы с внешней средой, что и обеспечивает ее устойчивость на данной траектории.*

На последующих этапах исследования, после получения наиболее общих представлений о формах и закономерностях позиционирования предмета в структуре объекта, начинается детализация знаний средствами анализа информации, излучаемой предметом. Здесь востребован весь арсенал теоретических и прикладных методов аналитики, предполагающих разработку различных моделей проявления элементов предметной сферы. Результатом осуществления этого этапа исследования выступает уже некая совокупность знаний, подлежащих верификации посредством представления необходимого комплекса научных аргументов. Только после этого полученные новые знания приобретают статус инструментальных и в последствие могут подвергаться процедурам обоснования взаимосвязи и взаимной выводимости полученных закономерностей (валидации), что является главным условием их системного представления в форме *концепции* или *теории*.

Завершая, отметим, что представленные стратегемы могут рассматриваться в качестве критериев менеджмента знаний в рамках осуществления того или иного исследовательского проекта. Кроме того, каждая из стратегем является собой не только промежуточную цель процесса познания, но и концентрированное выражение регламента технологии данного целедостижения. По сути, речь идет об идеологии научного поиска², которая должна выступать не только существенным стимулом, но и регулятором развития рассматриваемого процесса. Поэтому полагаем, что менеджмент знаний, осуществляемый под знаменами этой идеологии, способен принести свой вклад в формирование гумани-

² В данном контексте идеология – это цель, плюс технология ее достижения.

тарной методологии и культуры научных исследований различных процессов, бурно развивающихся в современном мозаичном мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Зенгер Х.** Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать. Т. 1. М.: Эксмо, 2004. 512 с.
2. **Курлов А.Б., Кунафин М. С., Петров В. К.** Философия инновационной деятельности. М.: Издательск. дом «АТИСО», 2010. 294 с.
3. **Курлов А. Б.** Основы теории социального моделирования. Уфа: Изд-во БашГУ, 1997. 256 с.

4. **Курлов А. Б.** Методология социального моделирования. Уфа: Автор-Проект, 2000. 288 с.

ОБ АВТОРЕ

Курлов Алексей Борисович, проф. каф. социологии и соц. технологий. Дипл. инженер по технологии машиностроения, станкам и инструментам. Д-р соц. наук (БашГУ, 1994). Иссл. в обл. практическ. философии, соц. проектирования, методологии информационно-аналитической деятельности.